

Памяти моих родителей

В мире так много голосов, и ни один не лишен смысла.

*Первое послание к Коринфянам
святого апостола Павла*

Нужно носить в себе еще хаос, чтобы быть в состоянии родить танцующую звезду.

Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра

I. РОДИНА

II. ПОЭТ ДНЯ

Нет покоя и в лоне земли, ибо там свирепствует самая страшная и мощная стихия — огонь.

*Йонас Халльгримссон**, журнал «Фьёлнир», 1835

* Jónas Hallgrímsson (1807–1845) — исландский поэт и естествоиспытатель, один из основателей литературного журнала «Фьёлнир». В день его рождения 16 ноября отмечается День исландского языка. (Перевод имен собственных, названий и топонимов дан с учетом традиции бытования имени в Исландии и в русских источниках. — *Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. перев.*).

1942

Комната зачавшей меня

Нося тебя под сердцем уже пять месяцев, я наткнулась на орлиное гнездо, сделанное наспех двухметровое жилище на краю скалы вниз по реке, в нем находились, как шарики, два орленка. Я шла одна, надо мной и гнездом кружил орел, тяжелые взмахи крыльев, одно из них оцупано, но не нападал. Должно быть, орлица, подумала я. Она сопровождала меня всю дорогу домой черной тенью, как туча, закрывшая солнце. Я чувствовала, что родится мальчик, и решила назвать его Эрном. В день, когда ты появилась на свет, на три недели раньше срока, орлица снова летала над хутором. У нас как раз был старый ветеринар, осеменял коров, он тебя и принял, завершив тем самым свой последний рабочий день перед выходом на пенсию. Придя из хлева, он снял болотные сапоги и вымыл руки новым куском мыла Lux. Потом взял тебя на руки и сказал:*

* Исландское мужское имя Örn означает «орел».

— *Lux mundi.*

Свет мира.

Хотя обычно самки заботились о новорожденных без его помощи, он налил воду в лохань, чтобы тебя искупать. Я наблюдала, как он закатывал рукава фланелевой рубашки, пробовал локтем воду, видела, как они возились с тобой, твой отец и ветеринар, повернувшись ко мне спиной.

— Она дочь своего отца, — сказал твой отец. А затем я отчетливо услышала: — Добро пожаловать в этот мир, Гекла.

Он выбрал тебе имя, не посоветовавшись со мной.

— Только не вулкан, это же врата ада, — прошу я.

— Где-то на земле должны быть такие врата, — раздается голос ветеринара.

Они сплотились, эти мужчины у лохани, и пользуются моей беспомощностью, тем, что у меня родовые разрывы.

Выходя замуж, я не знала, что твой отец помещан на вулканах, он запоем читал описания извержений, переписывался с тремя геологами, мечтал об извержениях, надеялся увидеть на небе столб дыма и почувствовать, как под ногами дрожит земля.

— Ты хочешь, чтобы земля разверзлась прямо по краю нашего двора? — спрашивала я. — Чтобы она разделилась надвое, как женщина, производящая на свет дитя?

Я ненавидела лаву. Нашу приусадебную лужайку со всех сторон окружала тысячилетняя лава, и приходилось карабкаться, чтобы добраться до ягодных мест, вилы на картофельном поле постоянно натывались на камень.

— Арнхильд, — говорю я из-под одеяла, которым твой отец накрыл меня. — Рожденная для битв. В стране не больше двадцати орлов, Готтскальк, — добавляю я, — и двести вулканов.*

Это был мой последний довод.

— Я сварю тебе хороший кофе, — ответил твой отец. Прозвучало как предложение о примирении. Попытка договориться. Но он уже принял решение. В конце концов я поворачиваюсь на другой бок и закрываю глаза, хочу, чтобы меня оставили в покое.

*Спустя четыре с половиной года после твоего рождения начала извергаться Гекла, после перерыва в сто два года. И твой отец наконец услышал грохот, о котором мечтал, как отдаленное эхо недавно прошедшей мировой войны. Твоему брату Эрну было тогда два года. Твой отец принялся тут же звонить своей сестре на Хеймаэй**, чтобы узнать, что она видит из кухонного окна. Она как раз жарила хворост и рассказала, что остров накрыл вулканический дым, что солнце красное и идет пепельный дождь.*

* Исландское женское имя Arnhildur состоит из двух корней: arn (связан с обозначением орла) и hildur («битва»).

** Единственный населенный остров, входящий в состав принадлежащего Исландии архипелага Вестманнаэйяр.

Прикрыв трубку рукой, он повторял мне каждое предложение.

— Она говорит, что солнце красное и идет пепельный дождь, что темно, как ночью, и пришлось включить свет.

Его интересовало, насколько завораживает и пугает зрелище, дрожит ли пол.

— Она говорит, что зрелище завораживает и пугает, что все кровельные желоба забиты пеплом и ее муж, моторист, сейчас пытается их очистить.

Прильнув ухом к радиоприемнику, он «транслировал» самое важное.

— Говорят, что жерло напоминает сердце, огненное сердце. Или сообщал: знаешь, Стейнтора, одна вулканическая бомба была похожа на сигару длиной одиннадцать метров, а шириной пять.

Но рассказы сестры и статичные черно-белые фотографии на первых полосах газет вскоре перестали его удовлетворять, и он захотел увидеть извержение собственными глазами. Захотел увидеть краски, как взлетают в небо пылающие камни, целые скалы, как красные огненные глаза разбрасывают вокруг метеоры, как расплзается черная лавовая стена, подобно освещенному мегаполису. Захотел узнать, окрасится ли небо в розовый цвет, почувствовать, как зудят веки и слезятся глаза. Захотел поехать на юг на русском джипе.

И взять тебя с собой.

— Йонас Халльгримссон, лучший всех запечатлевший извержение вулкана в аллитерациях и рифмах, никогда в жизни его не видел. И Эггерт Олафссон* тоже. Гекла не может упустить свой шанс посмотреть, как извергается ее тезка.

— А ты не хочешь просто продать землю и переселиться на юг? — спросила я. Могла бы также спросить: не хочешь переехать из мест «Саги о людях из Лососьей Долины» в места «Саги о Ньяле»?

Он подложил под тебя подушку и держал перед собой, чтобы ты все видела, а я осталась с твоим братом Эрном и хозяйством. Когда он вернулся, по оплавившимся подошвам его резиновых сапог я поняла, что он подошел слишком близко.

— Старушка еще на что-то способна, — сказал он и отнес тебя спящую в кровать.

Летом налетел вулканический пепел и засыпал наш двор. В низинах, где скапливался газ, находили мертвых лис, овец и птиц. Тогда твой отец наконец бросил свои разговоры об извержениях и занялся хозяйством.

Ты тоже очень изменилась. Начала путешествовать. Говорила на своем особом вулканическом языке, невероятно красиво и величественно. Открыла для себя верх и смотрела в небо. Стала вдруг исчезать, и мы находили тебя на приусадебной лужайке, рассматривающей облака. А зимой ты по долгу лежала в сугробе, не отрывая глаз от звезд.

* Eggert Ólafsson (1726–1768) — исландский исследователь, географ, писатель.